

Anacharsis
1/1 (2026), 74–80
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 74–80
© The Author(s) 2026

DOI:

ЯЗЫК *DAMNATIO MEMORIAE* В «ДЕЯНИЯХ БОЖЕСТВЕННОГО АВГУСТА»*

Г.Л. Криволапов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

E-mail: glkrivolapov@gmail.com

ORCID : 0000-0002-1814-8746

Аннотация: В «Деяниях божественного Августа» принцепс намеренно не называет прямо своих политических оппонентов: Антония, Брута и Кассия, Лепида, Секста Помпея и других. Такая тактика объясняется его желанием дистанцироваться от образа участника гражданских войн. Однако, воссоздавая свою политическую биографию, Август вынужден обращаться к событиям, где эти «безымянные» фигуры играли ключевую роль. Противоречие между необходимостью нарратива и практикой *damnatio memoriae* порождает особый описательный язык памятника, который до сих пор почти не становился предметом специального изучения. В статье предпринимается попытка выявить и систематизировать литературные приемы, лежащие в основе языка *damnatio memoriae*.

Ключевые слова: римская история, Принципат Августа, Цезарь Август, «Деяния божественного Августа», гражданские войны, политика памяти, *damnatio memoriae*, описательный язык, литературные приемы

THE LANGUAGE OF *DAMNATIO MEMORIAE* IN THE *RES GESTAE DIVI AUGUSTI*

Gleb L. Krivolapov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: glkrivolapov@gmail.com

ORCID : 0000-0002-1814-8746

Abstract: In the *Res Gestae Divi Augusti*, the princeps deliberately refrains from directly naming his political opponents – Antony, Brutus and Cassius, Lepidus, Sextus Pompey, and several others. This strategy stems from his desire to distance himself from the image of a participant in civil strife. However, while reconstructing his own political biography, Augustus inevitably refers to events in which these “unnamed” figures played a central role. The resulting tension between the need for narrative and the practice of *damnatio memoriae* gives rise to a distinctive descriptive language in the monument, which has scarcely been the subject of specialized study. This article seeks to identify and systematize the literary devices through which the language of *damnatio memoriae* is constructed.

Keywords: Roman history, Principate of Augustus, Caesar Augustus, *Res Gestae Divi Augusti*, civil wars, politics of memory, *damnatio memoriae*, descriptive language, literary devices

* Данные об авторе. Криволапов Глеб Леонидович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

«Девятнадцати лет отроду я по собственному решению и на собственные средства снарядил войско, с помощью которого освободил государство, угнетенное господством клики»¹. Так начинается первая глава «Деяний божественного Августа» (*Res gestae divi Augusti*). *Res gestae* – это автобиографический манифест первого римского императора Цезаря Августа (Октавиана), в котором он подводит итог своей жизни, фиксирует собственные достижения, а также конституирует основы нового режима – Принципата.

Res gestae – это действительно уникальный источник. Во-первых, в отличие от большинства письменных источников, которые дошли до нас посредством средневековых манускриптов, «Деяния» сохранились как эпиграфический документ. Они были обнаружены в 1555 г. на стенах древнего храма в Анкире (совр. Анкара). После этого были найдены еще несколько копий этого источника, сопоставив которые исследователи смогли реконструировать оригинальный текст *Res gestae* и их греческий перевод. Однако работа по восстановлению текста источника продолжается. Не исключено, что будут обнаружены дополнительные, ранее неизвестные его фрагменты, происходящие из других частей римского мира².

Во-вторых, *Res gestae* – это очень сложный объект исследования, как исторический источник, как литературное произведение, как официальное документальное свидетельство. Некоторые исследователи излишне упрощают смысл «Деяний», редуцируют их значимость. Так, распространена точка зрения, что *Res gestae* – это сплошная пропаганда, как историческому источнику им не следует доверять ни в коем случае, а с художественной и литературной точек зрения они достаточно примитивны³. На мой взгляд, это не совсем так. Прежде всего, на данный момент не существует какой-то одной устоявшейся точки зрения на жанровую принадлежность *Res gestae* и цель их создания. «Деяния», безусловно, являются отражением саморепрезентации власти Августа. Однако в них удивительным образом переплелись искажения, умолчания и примеры невероятной откровенности первого римского императора. «Деяния» – несмотря на их несовершенства – остаются одним из немногих масштабных источников по политической истории эпохи Августа. Их автор является современником описываемых событий, а сами «Деяния» исходят из центра римской власти. Что касается языка, то *Res gestae*, как и подобает эпиграфическому тексту, выделяются лаконичностью и кажущейся

¹ *RG* 1. 1: Annos undeiginti natus exercitum priuato consilio et priuata impensa comparauī, per quem rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem uindicaui. Здесь и далее текст *Res gestae* приводится по изданию: Krivolapov 2025.

² См. Botteri 2003; Scheid 2007, xi–xxi; Cooley 2009, 7–22, 43–48; Weber 2015, 15–21; Eck 2016, 19–24; Krivolapov 2025, 35–41.

³ Подробный обзор существующих точек зрения представлен в работе Р. Ридли (Ridley 2003, 25–50).

простотой, с которой Август выражает свои мысли. Однако даже этот эпиграфический памятник являет примеры, как различные способы использования латинского языка придают особый смысл тексту, усиливая сообщения⁴.

Трансформация всего мемориального пространства Римской империи связана именно с Августом. В период его правления особое значение приобрело формирование памяти о прошлом – как о событиях недавних, так и о далеких временах⁵. В *Res gestae* принцепс последовательно избегает прямых упоминаний своих политических противников в гражданских войнах. Из текста сознательно исключены имена Марка Антония (*RG* 1. 1, 24. 1), Брута и Кассия (*RG* 1. 1, 2), Лепида (*RG* 10. 2), Секста Помпея (*RG* 25. 1) и ряда других фигур. Данная стратегия обусловлена комплексом взаимосвязанных задач: стремлением дистанцироваться от образа участника гражданских смут, конструированием роли «спасителя государства» и формированием нарратива о «золотом веке» как закономерном результате всеобщего согласия⁶. Однако, воссоздавая собственную политическую биографию, Август неизбежно обращается к событиям, в которых эти «неназванные» лица играли ключевую роль. Как справедливо пишет А.В. Махляук, тема гражданской войны в *Res gestae* не замалчивается, «она важна, чтобы подчеркнуть милосердие и общественную поддержку Августа и контрастно противопоставить его мотивы, методы и действия акциям его антагонистов»⁷. Поэтому возникающее противоречие между необходимостью повествования и практикой *damnatio memoriae* порождает особый описательный язык памятника, который до настоящего времени, за некоторыми исключениями, не становился предметом специального изучения⁸. В рамках данной статьи предполагается выявить и систематизировать литературные приемы, с помощью которых Август разрешает данное противоречие.

Римляне, прямо или косвенно упоминаемые в «Деяниях божественного Августа», могут быть разделены на две категории – сторонников и противников Августа⁹. Рассмотрение первой группы представляется наиболее целесообразным начать с эпонимных консулов. Их имена присутствуют в тексте с почти избыточной полнотой, особенно в первых двадцати четырех главах, начиная с упоминания погибших в ходе Мутинской войны Гирция и Пансы (*RG* 1. 2). Показательно, что за единственным исключением консулы фигурируют в тексте исключительно как способ датировки. Отступление от этого принципа представляет собой фрагмент *RG* 12. 1, где сообщается о возвращении Августа в Рим в 19 г. до н.э.: «часть преторов и народных трибунов вместе с консулом

⁴ Krivolapov 2025, 11–35.

⁵ Makhlayuk 2017, 173.

⁶ Lange 2008, 185–204; Ridley 2011, 284; Osgood 2015, 1689 ff.

⁷ Makhlayuk 2017, 210–211.

⁸ Ronnick 1997, 381–384; Kraus 2005, 193–194.

⁹ См. указатель к *Res gestae* (Krivolapov 2025, 155–164).

Кв. Лукрецием и первейшими мужами». Подобный прием обнаруживает неожиданное сходство с тацитовской манерой повествования, в которой многократное перечисление поименованных магистратов призвано подчеркнуть видимость повседневного функционирования республиканских институтов¹⁰.

В остальном же единственными римлянами, удостоившимися поименного упоминания в «Деяниях», являются потенциальные преемники Августа: Марцелл, Агриппа, Гай и Луций Цезари, а также Тиберий. Примечательно, что сам Гай Юлий Цезарь обозначен лишь как «отец» Августа (за исключением дважды встречающейся формулы *aedes divi Iuli* – «храм божественного Юлия» – в *RG* 19. 1 и 21. 2). Подобная структура ономастического пространства «Деяний» оказывается обращенной одновременно в прошлое и в будущее. С одной стороны, она апеллирует к традиционной для республики непрерывной смене магистратов. С другой – она ориентирована на будущее, демонстрируя преемственность империи как дела семейного и легитимируя передачу имени «Цезарь» от отца к приемному сыну или внуку. Этот титул имел экстраординарное значение, особенно для молодого Августа, чье возвышение было всецело обязано его имени¹¹.

Что касается противников Августа, то о них он говорит своего рода языком намеков. Таких мест в тексте ровно пять:

RG 1. 1: ...rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem vindicaui
«...освободил государство, угнетенное господством клики»
...δι' οὗ τὰ κοινὰ πράγματα ἐκ τῆς τῶν συνομοσαμένων δουλείας ἤλευθέρωσα

Август имеет в виду конкретных людей – убийц Цезаря (в первую очередь, Брута и Кассия) и их сторонников, а позже и своего главного противника – Марка Антония¹². Он не называет их по именам, а именует «кликой» (*factio*). Это политически окрашенный эвфемизм (от *греч.* εὐφημία), то есть описание группы лиц через отрицательную характеристику. Слово «клика» (*factio* имеет несколько значений)¹³ здесь имеет ярко выраженную негативную конно-

¹⁰ Ginsburg 1981; Martin, Woodman 1989, 78.

¹¹ Kraus 2005, 194.

¹² На основании фрагментов из Веллея Патеркула и Цицерона можно предположить, что Август подразумевает здесь непосредственно Антония (*Vell.* II. 61. 1: *torpebat oppressa dominatione Antonii civitas*; *Cic. Phil.* XII. 14–15: *rem publicam oppressisset Antonius*; III.29: *huius impuri latronis feremus taeterrimum crudelissimumque dominatum?*; cf. III. 34, V. 44). Однако формулировка греческого перевода (ἐκ τῆς τῶν συνομοσαμένων δουλείας, «от рабства, навязанного заговорщиками») скорее апеллирует к заговору Брута и Кассия, нежели к Антонию (cf. *Plut. Brut.* 12), возможно, потому что это представляло бы больший интерес для аудитории в греческой части империи (Cooley 2009, 108). Поэтому Август, вероятно, имел в виду одновременно заговорщиков во главе с Брутом и Кассием, а также Антония.

¹³ Слово *factio* имеет как собирательное значение, обозначая «группу», «клик», «фракцию», так и глагольную силу, указывая как на фактический «образ действий», так и на потенциальную «способность добиваться своего». Точные коннотации этого слова бывает трудно определить, и иногда может быть активно более одного значения (Seager 1972).

тацию. Октавиан не просто констатирует факт, что у власти стояли какие-то люди, он объявляет их заговорщиками, захватившими власть вопреки закону и обычаям предков.

RG 2: Qui parentem meum trucidauerunt¹⁴, eos in exilium expuli iudiciis legitimis ultus eorum facinus, et postea bellum inferentis rei publicae uici bis acie.

«Тех, кто убил моего отца, я отправил в изгнание, отомстив им за их преступление в соответствии с нормой закона, а когда они впоследствии пошли на государство войной, я дважды победил их в сражении» .

Τοὺς τὸν πατέρα μου φονεύσαντας ἐξώρισα κρίσεσιν ἐνδίοις τειμωρησάμενος αὐτῶν τὸ ἀσέβημα καὶ μετὰ ταῦτα αὐτοὺς πόλεμον ἐπιφέροντας τῇ πατρίδι δις ἐνείκησα παρατάξει .

В этом отрывке речь, без сомнения, идет о Бруте и Кассии, так как под двумя сражениями подразумеваются две решающие битвы Филиппской кампании (3 и 23 октября 42 г. до н.э. соответственно). С помощью придаточного определительного, вводимого союзом *qui*, создается негативный перифраз или перифраза (от *греч.* περίφρασις = *лат.* periphrasis). Август заменяет имена своих врагов описанием их главного, с его точки зрения, деяния – убийства Цезаря, которое одновременно рассматривается как их главное злодеяние.

RG 10. 2: Pontifex maximus ne fierem in uiui conlegae mei locum populo id sacerdotium deferente mihi, quod pater meus habuerat, recusavi. Quod sacerdotium aliquot post annos eo mortuo demum, qui ciuilis tumultus occasione occupauerat, reciperi.

«Я отказался стать великим понтификом вместо своего коллеги еще при его жизни, когда народ предлагал мне это жречество, которое ранее имел мой отец. Я принял это жречество спустя годы, только после смерти того, кто захватил его, воспользовавшись гражданскими волнениями» .

Ἀρχιερωσύνην, ἣν ὁ πατήρ μου ἐσχέκει, τοῦ δήμου μοι καταφέροντος εἰς τὸν τοῦ ζῶντος τόπον οὐ προσεδεξάμην. Ἦν ἀρχιερατείαν μετὰ τινας ἐνιαυτοὺς ἀποθανόντος τοῦ προκατεκληφότες αὐτὴν ἐν πολιτικαῖς ταραχαῖς ἀνείληφα .

Данный фрагмент *Res gestae* посвящен одному из триумвиров – Марку Эмилию Лепиду. В этом пассаже Август одновременно применяет два упомянутых выше риторических приема. В первом предложении принцепс использует эвфемизм, обозначая Лепида как «живого коллегу» (*uiuus conlega*). Такая формулировка позволяет Августу не только избежать прямого именованя, но и, благодаря прилагательному *uiuus*, вероятно, подчеркнуть собственное милосердие (*clementia*), поскольку именно он сохранил Лепиду жизнь после его политического демарша 36 г. до н.э. Во втором предложении применяется перифраз: Лепид характеризуется как человек, незаконно завладевший должностью великого понтифика. Данное событие относится к 44 г. до н.э., периоду,

¹⁴ Часть издателей печатает в этом месте глагол *interfecerunt*, другая – глагол *trucidauerunt*, более эмоционально окрашенный, означающий «зарезали» / «перебили». Оба этих чтения ненадежны, учитывая, что латинский текст в этом месте неполон, а глагол в греческой версии также не сохранился (Scheid 2007, 5).

последовавшему за убийством Цезаря.

RG 24. 1: In templis omnium ciuitatum prouinciae Asiae uictor ornamenta reposui, quae spoliatis templis is, cum quo bellum gesseram, priuatim possederat.

«В святилища всех общин провинции Азия я, будучи победителем, возвратил украшения, которыми, разграбив святилища, владел частным образом тот, с кем я вел войну».

Εἰς ναοὺς πασῶν πόλεων τῆς Ἀσίας νεικήσας τὰ ἀναθήματα ἀποκατέστησα, ἃ κατεσχῆκει ἱεροσυλήσας ὁ ὑπ' ἐμοῦ καταγωνισθεὶς πολέμιος.

В данной отрывке речь идет об Антонии и вновь используется перифраз. Это окольный способ упоминания Антония, примечательным образом раскрывающий, что война действительно велась против него, а не против Клеопатры¹⁵. Греческая версия текста содержит более сильное высказывание, где Антоний назван «побежденным врагом» (καταγωνισθεὶς πολέμιος)¹⁶.

RG 25. 1: Mare pascui a praedonibus.

«Я очистил море от пиратов».

Θάλασσαν πειρατευομένην ὑπὸ ἀποστατῶν δούλων εἰρήνευσα.

Здесь под пиратом подразумевается младший сын Гнея Помпея Великого Секст Помпей¹⁷ и используется соответственно эвфемизм, но с несколько другим оттенком. В этом предложении Август, вероятно, проводит параллель между Помпеем-отцом, который очистил Средиземное море от пиратов в 67 г. до н.э., и Помпеем-сыном, который в глазах Августа сам превратился в пирата¹⁸. Таким образом, в том, что Август называет Секста Помпея пиратом, есть иронический оттенок¹⁹.

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать следующие выводы. Описательный язык *Res gestae*, тесно связанный с практикой *damnatio memoriae*, базируется на двух основных литературных приемах – эвфемизме и перифразе, которые используются последовательно, а в одном случае и одновременно, что, вероятно, служит усилению риторического эффекта. Помимо своей основной функции – непрямого указания на лиц, причастных к ключевым событиям, освещаемым в *Res gestae*, – эвфемизм и перифраз выполняют и

¹⁵ Ridley 2003, 125.

¹⁶ Vanotti 1975, 317.

¹⁷ Такая формулировка повторяется в эпитоме Ливия и у Горация (Liv. Per. 128: cum Sex. Pompeius rursus latrociniiis mare infestum redderet; cf. Hor. Epod. IV. 19), а также гораздо позже у поэта Лукана, писавшего в эпоху Нерона (Luc. VI. 419–422), и объясняется тем фактом, что Август мог избежать формального объявления войны, утверждая, что сражается против praedones («разбойников»). В римском праве было установлено, что «враги» (hostes) – это те, кому мы публично объявили войну или кто сами объявили войну нам; остальные же являются «грабителями» (latrones) или «разбойниками» (praedones)» (Pompon. Dig. L. 16. 118: “hostes” hi sunt, qui nobis aut quibus nos publice bellum decrevimus: ceteri “latrones” aut “praedones” sunt; cf. Ulp. Dig. XLIX. 15. 24). См. Sattler 1960, 16–17.

¹⁸ Weber 2015, 96.

¹⁹ Cooley 2009, 214.

другие задачи, придавая тексту дополнительные смысловые оттенки. Среди них следует отметить подчеркивание отрицательных качеств противников Августа, акцентирование их противоправных действий и преступлений (Брут и Кассий, Лепид, Антоний), использование политической иронии (Секст Помпей), акцентуация добродетели Августа (Лепид), а также создание имплицитных смыслов, рассчитанных на осведомленную аудиторию (Антоний).

ЛИТЕРАТУРА

- Botteri, P. 2003: L'integrazione mommseniana a "Res gestae Divi Augusti" 34, 1 "Potitus rerum omnium" e il testo greco. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 144, 261–267.
- Cooley, A.E. (ed.) 2009: *Res Gestae Divi Augusti: Text, Translation, and Commentary*. Cambridge.
- Eck, W. 2016: Res gestae – Die Königin der Inschriften. In: J. Baltrusch, Chr. Wendt (hrsg.), *Der Erste. Augustus und der Beginn einer neuen Epoche*. Darmstadt, 17–30.
- Ginsburg, J. 1981: *Tradition and Theme in the Annals of Tacitus*. New York.
- Kraus, C.S. 2005: From Exempla to Exemplar? Writing History around the Emperor. In: J. Edmondson, S. Mason & J. Rives (eds.), *Flavius Josephus and Flavian Rome*. Oxford, 181–200. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199262120.003.0010>
- Krivolapov, G.L. (ed.) 2025: *Tsezar' Avgust. Deianiia bozhestvennogo Avgusta [Caesar Augustus. Res Gestae Divi Augusti]*. Moscow.
- Криволапов, Г.Л. (изд.) *Цезарь Август. Деяния божественного Августа*. М.
- Lange, C.H. 2008: Civil War in the *Res Gestae divi Augusti*: Conquering the World and Fighting a War at Home. In: E. Bragg, L.I. Hau & E. Macaulay-Lewis (eds.), *Beyond the Battlefields: New Perspectives on Warfare and Society in the Graeco-Roman World*. Cambridge, 185–204.
- Makhlayuk, A.V. 2017: [«What is history going to say about us?» On some aspects and motives of the memorial policy of Octavian Augustus] *Istoricheskii vestnik. Rim: dominatio civilis [The Historical Reporter. Rome: dominatio civilis]* 19, 170–225. <https://doi.org/10.35549/HR.2017.2017.34959>
- Махлаюк А.В. «Что скажет о нас история?...» О некоторых аспектах и мотивах мемориальной политики Октавиана Августа. *Исторический вестник. Рим dominatio civilis* 19, 170–225.
- Martin, R.H., Woodman, A.J. (eds.) 1989: *Tacitus: Annals Book IV*. Cambridge.
- Osgood, J. 2015: Ending Civil War at Rome: Rhetoric and Reality, 88 B.C.E.–197 C.E. *The American Historical Review* 120(5), 1683–1695. <https://doi.org/10.1093/ahr/120.5.1683>
- Ridley, R.T. 2003: *The emperor's retrospect: Augustus' "Res gestae" in epigraphy, historiography and commentary*. Leuven–Dudley.
- Ridley, R.T. 2011: Augustus. The emperor writes his own account. In: G. Marasco (Ed.), *Political autobiographies and memoirs in antiquity*. Leiden, 267–314. https://doi.org/10.1163/9789004214651_009
- Ronnick, M.V. 1997: *Res gestae* 25: *damnatio memoriae* as a strategy of rhetoric. *Maia* 49, 381–384.
- Sattler, P. 1960: *Augustus und der Senat: Untersuchungen zur römischen innenpolitik Zwischen 30 und 17 v. Christus*. Gottingen.
- Scheid, J. (éd.) 2007: *Res gestae divi Augusti: Hauts faits du divin Auguste*. Paris.
- Seager, R. 1972: Factio: Some observations. *The Journal of Roman Studies* 62, 53–58.
- Vanotti, G. 1975: 'Il testo greco delle "Res Gestae Divi Augusti": Appunti per una interpretazione politica'. *Giornale Italiano di Filologia* 27, 306–325.
- Weber, E. (hrsg.) 2015: *Meine Taten / Res gestae divi Augusti: Lateinisch–griechisch–deutsch*. Berlin.

